

Села Южа и Бонячки Фабричный моногородок в позднеимпер- ской России

Аркадий Степанов

Введение

В современной России моногорода, то есть населенные пункты, некогда сложившиеся вокруг одного крупного предприятия, которое обеспечивало занятость существенной части населения, переживают не лучшие времена. Их градообразующие заводы или фабрики сокращают производство, а то и вовсе закрываются, оставляя без работы значительное число трудоспособных людей. Многие из подобных моногородов возникли в советское время в условиях экономики, чуждой принципам рынка, а подчас и здравого смысла; их судьба в XXI веке стала следствием допущенных тогда ошибок и просчетов. Однако в ряде случаев история таких городов более давняя: они возникли еще в XIX веке, эволюционировали из фабричных сел и на протяжении десятиков лет демонстрировали стабильное развитие, подчас обгоняя по уровню благоустройства соседние города. Представляется актуальным проанализировать эту эволюцию и оценить ее результаты на момент национализации градообразующих предприятий в 1917–1918 годах.

Примерами таких фабричных сел, ставших городами в 1920-е годы, могут служить Вичуга и Южа, ныне расположенные в Ивановской области. Их история не раз уже привлекала внимание наших ученых: достаточно упомянуть многочисленные, хорошо фундированные труды ряда авторитетных краеведов [Балдин, 2002; Балдин, 2006; Семенов, 2014; Смирнов, 2019]. Они, равно как столичные и местные исследователи истории архитектуры [Ибрагимов и др., 2011; Симонович, 2018], рассматривают созидательную деятельность владельцев градообразующих предприятий рубежа XIX–XX веков как масштабную благотворительность. Наш подход отличается от представленной в этих работах концепции: мы рассматриваем «мироустроительные» усилия вичугских и южских фабрикантов не как проявление человеколюбия,

Степанов Аркадий Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент
Ивановского государственного универ-
ситета; Российская Федерация, 153025,
Ивановская область, Иваново, ул. Ер-
мака, д. 37.
E-mail: pastenovas@mail.ru

В статье изучается происходившая в позднеимперский период эволюция двух фабричных сел Верхневолжского региона России — Южи и Бонячек — в индустриальные «моногородки», то есть в населенные пункты, обладавшие рядом элементов урбанистической инфраструктуры и обязанные своим развитием расположенным в них крупным текстильным фабрикам. Автор работает со справочной и рекламной литературой 1890–1910-х годов и исследованиями отечественных и зарубежных авторов того периода. Обсуждаются возможные причины, побуждавшие владельцев градообразующих предприятий этих сел — представителей второго-третьего поколений предпринимательских династий Балиных и Коноваловых — на протяжении длительного времени настойчиво и системно вкладывать средства в такие социальные программы, как строительство жилья для рабочих и служащих своих предприятий, возведение и содержание там больниц, школ, народных домов, богаделен и иных подобных объектов. Примечательно, что социальные программы, реализуемые в обоих селах, носили преимущественно светский характер. Усилия фабрикантов были обусловлены отсутствием в населенных пунктах негородского типа коммерческой социальной инфраструктуры, а также органов муниципального управления, способных заниматься ее развитием. Свою роль сыграли также низкая производительность труда рабочих-текстильщиков и почти полное отсутствие у вчерашних крестьян навыков разумного распоряжения своими денежными доходами. Сочетание этих факторов вынуждало фабрикантов фактически брать на себя «попечение» о работниках своих предприятий, в том числе ценой удержания выдаваемой им на руки заработной платы на невысоком уровне и «перенацеливания» части ее фонда на социальные программы. С помощью системного и компаративного анализа предлагается оценка результатов этих программ. Автор заключает, что подобная политика текстильных компаний, решая текущие социальные проблемы фабричных сел, замедляла формирование в них промышленных рабочих эпохи модерны, способных самостоятельно обеспечивать свое существование в городской среде XX века.

Ключевые слова: фабричное село; соци-

мотивированного исключительно субъективными факторами, а как результат действия ряда объективных социально-экономических обстоятельств, которые диктовали именно такую стратегию поведения. Наша оценка результатов градоустроительных усилий «ситцевых королей» также не будет однозначно комплиментарной.

Основные направления градоустроительной деятельности фабрикантов

Село Южа, до 1918 года относившееся к Владимирской губернии, и село Бонячки (ныне г. Вичуга), числившееся тогда в Костромской губернии, имеют в своем развитии немало общих черт. Оба они до начала пореформенной индустриализации в России мало чем выделялись среди других негородских поселений Верхневолжского региона; оба в 1860-е годы стали местом размещения крупных текстильных фабрик и к 1917 году превратились в своеобразные моногородки, обязанные своей урбанизацией владельцам градообразующих предприятий – соответственно Балиным и Коноваловым. На протяжении более чем полувека два поколения семей промышленников обустроили жизнь обитателей Южи и Бонячек, все дальше отдаляя ее от патриархального деревенского уклада.

Фабриканты делали это, прежде всего, путем строительства возле своих предприятий комплекса социальных учреждений. На взгляд нашего современника, его состав выглядит логичным, почти естественным: общежития для рабочих и служащих, баня, фабричная лавка, школа, больница, библиотека, дом культуры... Однако следует учесть, что в городах России эти элементы социальной инфраструктуры стали «стандартом» только после 1917 года, да и то не сразу, и в то время выдавались за «достижения Советской власти». Для последней же трети XIX века, когда провинциальные фабриканты начинали возводить подобные объекты, такие непроизводственные расходы вовсе не представлялись обязательными. Куда более подобающим для богатых и успешных российских предпринимателей считалось в ту пору строительство церкви, что неизменно вызывало одобрение властей.

О храмах божьих «ситцевые короли» тоже не забывали, но приоритет явно отдавали социальным учреждениям светского характера. Так, первая каменная церковь при фабрике Коноваловых в Бонячках была перестроена из здания больницы [Т-во м-р Ивана Коновалова: Краткий исторический очерк, с. 49], тогда как жилье для текстильщиков, фабричное училище, харчевые лавки, баня и сама больница появились раньше и размещались в специально построенных зданиях.

К 1904 году, когда Коноваловы закончили строительство нового храма, Свято-Воскресенской (Белой) церкви, список профинансированных ими социальных объектов насчитывал более десятка наименований. Одних «казарм» при фабрике имелось шесть, в том числе две трехэтажные; в них проживало около 2,5 тыс. человек [Т-во м-р Ивана Коновалова..., с. 61]. Более того, к моменту освящения Белой церкви в Бонячках Коноваловы закончили строительство реального училища в уездной столице, Кинешме, израсходовав на него 200 тыс. руб. Показательно, что и юбилей своего предприятия в 1912 году владельцы фабрики отметили вполне по-светски: к этой дате в Бонячках ввели в эксплуатацию новую больницу на 100 мест, а также родильный дом и ясли [Т-во м-р Ивана Коновалова..., с. 63–64].

Столь же иллюстративен и другой факт: будучи самыми крупными предпринимателями района, Коноваловы не пытались тягаться величиной построенной ими церкви с храмом, возведенным в соседнем селе в 1911 году другим местным фабрикантом, И. А. Кокоревым, – кафедральным собором Воскресения Христова (Красной церковью), звонница которого превзошла высотой колокольню Ивана Великого в Московском Кремле.

альная эволюция; текстильные фабрики; Южа; Бонячки

Цитирование: Степанов А. В. (2021) Села Южа и Бонячки: фабричный моногородок в позднеимперской России // Городские исследования и практики. Т. 6. № 1. С. 37–49. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202137-49>

Не менее характерен пример села Южа. Там каменную церковь во имя св. апостола Асинкрита разместили на втором этаже фабричной богадельни [Пашков, 1897, с. 19]. Церковь освятили летом 1895 года, когда строительство первой очереди социальных объектов предприятия уже было завершено: в Юже к тому времени были возведены казармы, больница, родильный приют, училище, библиотека и даже почтово-телеграфная контора. Следующим крупным «городским» проектом Балиных, реализованным в Юже, стало также вполне светское учреждение – народный дом со зрительным залом на 1000 мест, введенный в строй в 1910 году [Т-во м-р А.Я. Балина..., 1912, с. 6].

Возможные мотивы градоустроительных усилий Балиных и Коноваловых

Большой научный и общественный интерес представляет проблема мотивов масштабных градоустроительных усилий текстильных фабрикантов. На наш взгляд, среди причин, побуждавших Коноваловых и Балиных десятки лет обустривать села типично городскими социальными учреждениями, менее всего следует искать религиозно-нравственные побуждения. По вежливой оценке современных теологов, на рубеже XIX–XX веков Русская православная церковь еще только «стояла перед задачей создания социальной доктрины» [Костюк, 2001, с. 116], вероятно, придерживаясь пока того мнения, что рай на земле не построить и заботиться надо не о телесном благополучии, а о спасении душ для жизни вечной. Призывая верующих к благотворительности, иерархи РПЦ часто имели в виду пожертвования на нужды церкви, а не на социальные проекты светского характера, отражающие наступавшую эпоху модерна.

Следует исключить и другую, казалось бы, ожидаемую причину: стремление фабрикантов облагородить, «цивилизовать» места своего проживания. Подобно большинству владельцев предприятий, размещавшихся в селах и небольших городах, ни Коноваловы, ни Балины не жили вблизи принадлежавших им фабрик; управление ими владельцы поручали наемным менеджерам, а сами селились в Москве. Неслучайно среди «фабрикантских» построек в Бонячках и Юже отсутствуют особняки самих фабрикантов (правда, есть их летние дачи).

Необходимость следовать букве закона также весьма слабо мотивировала «миро-

устроительную» деятельность предпринимателей. Российское фабричное законодательство начало складываться, по существу, лишь в 1880-е годы, но ни тогда, ни позже оно не требовало от нанимателей обеспечивать своих работников жильем или заботиться об их культурном досуге. В области же народного образования даже «Устав о промышленном труде», принятый в 1913 году и ставший высшим достижением дореволюционного трудового права, требовал лишь предоставить работающим подросткам возможность заниматься в школе не менее 3 часов в день (ст. 79). В деле охраны здоровья рабочих закон не шел дальше требования содержать при фабрике «приемный покой» (пункт оказания неотложной медпомощи) из расчета 1 койка на 100 занятых. Правда, лакуну общеимперского права отчасти восполняли местные власти: так, еще в 1892 году Владимирское губернское по фабричным делам присутствие приняло, а губернатор утвердил «Санитарное постановление», которое, в частности, обязало местных владельцев фабрик «оказывать рабочим бесплатную врачебную помощь – как первичную, так и дальнейшую госпитальную»; кроме того, на каждом предприятии с числом рабочих более 50 полагалось иметь «надлежащим образом устроенную баню» [Обязательное..., 1892, с. 21]. Очевидно, что реальная деятельность фабрикантов в сферах просвещения и здравоохранения выходила далеко за рамки требований закона.

Наконец, не следует всерьез рассматривать в качестве побудительной причины усилий фабрикантов в деле развития городской инфраструктуры и давление на них со стороны стачечного движения или хотя бы его угрозы. На фабриках в Бонячках и Юже забастовки происходили крайне редко. Такой хорошо осведомленный современник, как полковник Н. И. Воронов, который на рубеже XIX–XX веков 16 лет возглавлял Владимирское губернское жандармское управление, подчеркивал: «Рабочие на Южанской фабрике – народ деревенский, тихий, незнаком с социальным учением»; «с самого основания Южской фабрики никогда не возникали никакие недоразумения; рабочие пользовались льготами и преимуществами, которых лишены на других фабриках; администрация никаких неправильностей не допускала» [Воронов, 1907, с. 31–32]¹. Сходной оценки при-

1. Справедливости ради стоит отметить, что в 1905 году на фабрике в Юже все же были отмечены

держивается и анонимный автор исторического очерка о фабрике Коноваловых, изданного около 1912 года: «Необходимо отметить полное отсутствие прекращения работ по причине недовольства заработной платой; даже в 1905 году фабрика не работала только три дня» [Т-во м-р Ивана Коновалова..., с. 50].

В качестве редкого примера «от обратного» укажем на забастовку, которая произошла 1–3 октября 1889 года в Юже: около 3 тыс. рабочих фабрики Балиных потребовали возобновить выдачу им наградных денег в размере 12–15% заработка, которые в тот год отменили. В Южу по осеннему бездорожью приехал фабричный инспектор; при его участии владелец предприятия согласился «единовременно выдать рабочим на чай 200 руб., от постоянной же прибавки решительно отказался» [Стачки, 1930, с. 114]. Очевидно, что «идти на поводу» у рабочих и соглашаться с их требованиями «благотетели Балины» не собирались: в вопросах социальной политики они действовали только по своей свободной воле. На следующий год Балины планировали пуск нового ткацкого цеха, число станков на предприятии за пару предстоящих лет должно было удвоиться [Высочайше..., 1896].

На наш взгляд, первая по времени причина деятельности фабрикантов, с годами преобразившей скромные села в «протогородки», заключалась в том, что до начала их индустриализации в каждом из населенных пунктов отсутствовала какая бы то ни было социальная инфраструктура. Рассчитывать на то, что с появлением на селе крупного предприятия последняя сложится стихийно, повинувшись только законам спроса и предложения, не приходилось. Для того, чтобы в Бонячках или Юже возник свободный рынок доступного рабочим жилья, чтобы сюда устремились со своими товарами добросовестные купцы (а не одни лишь кабатчики), а тем более — появились ищущие заработка врачи и учителя, население этих промышленных центров должно было исчисляться десятками тысяч и работать на множестве крупных, средних и мелких предприятий. В условиях пореформенной России подобный прогресс занял бы десятки лет. Фабриканты такого запаса времени не имели; им приходилось «действовать на опережение», подменяя стихию рынка своей просвещенной волей. Чтобы ее реализовать, тек-

стильному предприятию приходилось держать не только штат работников основного производства, но и значительное число «непрофильных» тружеников. Так, в 1896 году на фабрике в Юже работали (и жили в растущем селе), наряду с 1900 прядильщиками и ткачами, 200 строителей, 138 рабочих кирпичного завода, более 70 сторожей и конюхов, а также 139 служащих и «артельщиков» [Высочайше..., 1896].

Другая причина, по которой промышленники невольно становились создателями моногородков, заключалась в правовом положении этих населенных пунктов. Официально они не считались даже «посадами» (а село Южа не имело и статуса волостной «столицы»: оно относилось к Мугреевской волости Вязниковского уезда), поэтому не обладали органами муниципального управления — городскими думами и управами, которые могли бы взять на себя часть забот по развитию социальной инфраструктуры. Не занимались этим и уездные земства, возможно, считая, что в богатых селах есть кому позаботиться об их обустройстве. При этом взимать с предприятий внушительные и постоянно растущие земские сборы они не забывали [Т-во м-р А. Я. Балина, 1912, с. 35; Т-во м-р Герасима Разоренова, 1913, с. 29].

Однако самой главной причиной социальной (и градоустроительной) активности фабрикантов надо признать низкую производительность труда рабочих российских текстильных предприятий [Шульце-Геве-рниц, 1901, с. 95–98; Бородин, 1916, с. 203]. У нас нет возможности рассматривать здесь истоки этой вечной проблемы отечественной промышленности. Достаточно указать, что решать ее администрация фабрик практически не пыталась, смирившись с тем, что в их цехах один ткач «обслуживал» не больше пары станков и подчас не знал, чем себя занять в то время, когда работа машин не требовала его вмешательства. Следует отметить лишь два обстоятельства, одинаково важных для развития околофабричных сел: в силу низкой производительности труда численность работников градообразующего предприятия неизбежно оказывалась весьма значительной (по данным на 1914 год, 5300 человек — на фабрике в Юже, 6200 человек — в Бонячках [Кандауров, 1914]), а заработок каждого из них — довольно скромным (в 3–5 раз ниже зарплаты тек-

две однодневные забастовки, а также один случай «волнений» рабочих. Волнения текстильщиков происходили там и в сентябре 1907 года [Дианова и др., 1928, с. 22, 28, 57, 79–82].

стильщиков в Англии или США) [Шульце-Геверниц, 1901, с. 98, 109]. К тому же рос он крайне медленно: по оценке современных исследователей, реальная зарплата фабричных рабочих в России выросла в период с 1880-х годов до 1914 года всего на 10–20% [Миронов, 2015, с. 192].

Два эти обстоятельства в сумме привели администрацию фабрик к неизбежной стратегии поведения в социальной сфере: не расплачивать скромный фонд заработной платы копеечными прибавками каждому работнику², а удерживать существенную его часть в руках мудрых директоров-распорядителей и расходовать ее на цели, которые достижимы только единовременным грамотно просчитанным вложением крупных сумм: на постройку школ, больниц, родильных приютов, расширение жилого фонда и т. п. В результате такого финансового маневра фабричные села стабильно прирастали элементами городской социальной инфраструктуры (а содержатели местных трактиров подсчитывали недополученную прибыль).

Подобная патерналистская стратегия диктовалась и еще одним обстоятельством: практически никто из текстильщиков Южи и Бонячек не имел навыков жизни в иных, чем деревня, населенных пунктах. Рабочие, в частности, не умели разумно расходовать свой денежный заработок, удерживаясь от неумеренных трат на сиюминутные удовольствия – спиртное и табак. Не было никаких разумных оснований полагать, что такие «протогорожане» (зачастую элементарно неграмотные) своим умом дойдут до необходимости откладывать деньги на лечение, на школу для детей, да просто на старость – или возьмут в банке кредит на строительство собственного дома. Фабричная администрация исподволь воспитывала в рабочем горожанина: предлагала ему стать пайщиком сбытового кооператива, вносить излишки денег в ссудно-сберегательную кассу, приобретать в рассрочку жилье, проводить досуг способами, отличными от «развлекательного кабацкого пошиба».

При поиске причин градоустроительной деятельности фабрикантов нельзя исключать и влияния чужого опыта. К тому времени, когда Балины и Коноваловы столкнулись с необходимостью решать социальные вопросы, другие промышленники уже нашли на них ответы. Фабричные общежития-казармы, училища, больницы

и иные социальные объекты в XIX веке были спутниками индустриализации во многих центрах развития легкой промышленности центра России – в городах (Москва, Тверь) и фабричных селах (Орехово-Зуево, Богородск) [Бухаренкова, Морозова, 2020]. Этот опыт популяризировала пресса – как газеты деловых кругов («Биржевые ведомости»), так и издания архитектурной общественности (журнал «Зодчий»). Народные дома как средство отвлечь «мастеровых» от пьянства пропагандировало Министерство финансов, не желавшее мириться с обвинениями в спаивании народа, которые стали звучать с введением на исходе 1890-х годов казенной винной монополии.

Условия реализации градоустроительных программ фабрикантов

Анализ «мироустроительной» деятельности промышленников Верхнего Поволжья не будет полным без указания на ряд обстоятельств, которые ей благоприятствовали, делая волю фабриканта-демиурга вполне свободной. Например, владельцу фабрики принадлежала не только территория самого предприятия, но и многие десятины окрестных земель. Так, в собственности Балиных имелось 9 тыс. гектаров недвижимости [Семененко, 2014, с. 130]; вичугские фабриканты Коноваловы и Кокоревы к 1917 году владели 55 тыс. гектаров земли в Кинешемском уезде [Миндовский, 1919, с. 46]. При необходимости границы владения всегда можно было расширить покупкой новых «дач»: земля в Нечерноземье стоила не так уж дорого. Ее дешевизна, в свою очередь, позволяла расселять многолюдный коллектив фабрики самым доступным способом: строить поблизости от нее поселки из одноэтажных бревенчатых домов. Таким путем пошли, например, Коноваловы: вокруг их фабрики в Бонячках в 1900-е годы возникли поселки Сашино (120 домов для рабочих) и Сережино (в нем селились служащие предприятия и «низший медицинский персонал» фабричной больницы) [Т-во м-р Ивана Коновалова: Краткий исторический очерк..., с. 62].

Следует отметить, что по современной терминологии поселки застраивались типовыми домами; для России начала прошлого века это тоже было но-

2. Например, на фабрике Коноваловых в 1912 году фонд заработной платы составлял 10,9% от годового объема продукции (подсчитано по: [Т-во м-р Ивана Коновалова: Краткий исторический очерк, с. 59–60]).

**РИС. 1. Дома
в бывшем поселке
Сашино. Современ-
ное состояние**

Источник: автор
снимков — пользова-
тель Merlu (valuh).
[https://ru-woodarch.
livejournal.com/
368664.html](https://ru-woodarch.livejournal.com/368664.html).

винкой. Так, в Сашино имелось 22 дома площадью 45 кв. метров и стоимостью 1200 руб., 24 дома площадью 36,5 кв. метра (1100 руб.) и, наконец, 74 дома такой же площади, но крытых не железом, а дранкой; в этом случае их цена не превышала 750 руб. Дома разной цены украшались наличниками трех соответствующих стандартных типов. По своей конструкции дома были характерны как для русского города, так и для села: обшитый тесом бревенчатый сруб в три окна по фасаду под двускатной кровлей и с печным отоплением. Очевидно, что у советских архитекторов-дезурбанистов 1920-х годов, создававших типовые проекты малоэтажного жилищного строительства, в недавнем прошлом имелись успешные предтечи.

Придомовые участки в поселке Сашино имели площадь более 500 кв. метров, этого было достаточно, чтобы разбить сад и огород. Предполагалось, что жители этих усадеб, считавшиеся арендаторами, в течение 12 лет выплатят фабрике их стоимость и станут собственниками.

В Юже уже к 1896 году в составе фабричного жилого фонда имелось не только 5 казарм-общежитий, но и 10 домов для служащих предприятия, а также 70 домов для рабочих с приусадебными участками площадью по 600–800 кв. метров [Высочайше..., 1896, с. 24]. Выражая благодарность Н. А. Балину за их постройку, фабричный врач Н. В. Сперанский утверждал, что она ведется «ради сохранения нравственных и семейных начал и здоровья» южских рабочих [Пашков, 1897, с. 22], косвенно намекая на то, что их жизнь в казармах всему перечисленному не способствовала. Администрация фабрики также оценивала свой эксперимент положительно: «Столь успешный рост этой слободки указывает на стремление рабочих к устройству жизни особняком, с обзаведением

своим небольшим хозяйством и огородом» [Высочайше..., 1896, с. 24]. Правда, решать «квартирный вопрос» подобными темпами пришлось бы долго: в 1896–1897 годах на фабрике Балиных трудилось порядка 150 служащих и более 2 тыс. рабочих.

Между тем сравнительный подход к фабрикантским программам индивидуального жилищного строительства может привести к неожиданному выводу: дома, построенные из «хозяйского» леса и с помощью недорогой местной рабочей силы, оказываются не столь уж дешевыми. В самом деле: в те же самые 1900-е годы в США торговая сеть Sears & Roebuck начала продажу готовых комплектов для возведения индивидуальных коттеджей. Как и в России, эти дома строились из дерева; они отапливались печами (угольный котел и водяное отопление предлагались за дополнительную плату) и не требовали подключения к канализации. Вот как выглядел один из таких продуктов машинной индустрии и сколько он стоил (1 доллар тогда обменивался на 2 руб.):

Sears & Roebuck честно предупреждала покупателей, что с учетом расходов на сборку дома он обойдется в 1171 доллар. Но за эти деньги заказчик получал двухэтажный коттедж с кухней, столовой, ванной и тремя спальнями на втором этаже. В цену комплекта (652 долларов, или 1300 руб.) входил не только полный набор «столярки», включая кедровую кровельную дранку и кипарисовый сайдинг, но и краска для наружных и внутренних работ из расчета на два слоя. Площадь каждого этажа дома составляла 68 кв. метров. На фоне такого предложения избушки в Сашино за 550–600 долларов уже не кажутся «аттракционом неслыханной щедрости»: вичугский рабочий

MODERN HOME No. 159

РИС. 2. Каталог «современных домов» компании Sears & Roebuck (США), 1912

Источник:
<http://www.searsarchives.com/homes/1908-1914.htm>.

накопил бы на домик при фабрике Коноваловых за 50 месяцев, а его американский современник и коллега, прельстившийся № 159 из каталога Sears & Roebuck, — за год [Бородин, 1916, с. 240]. Даже по ценам Иваново-Вознесенска тех лет бесхитростный домик в Сашино выглядит непомерно дорогим: издававшаяся в «Русском Манчестере» газета в 1913 году предлагала комплектный («готовый к постановке») сруб дома площадью 50 кв. метров (правда, скорее всего, уже не новый) всего за 650 руб. [Степанов, 2017, с. 53].

Еще одно обстоятельство, облегчавшее промышленникам роль свободных творцов своего «нового мира» вокруг фабрики, заключалось в почти полном отсутствии контроля со стороны коронной администрации. Лишь изредка власть предержащие вмешивались в частнокапиталистическое социальное творчество. Зато когда у чиновников доходили руки до подобной работы, границам их рвения не было предела. Например, уже упомянутое «Обязательное санитарное постановление» Владимирского губернатора от 1892 года предписывало строить при фабриках жилые помещения из расчета не менее 1 куб. сажени (9,3 куб. метра) пространства на каждого жильца, «включая малолетних»; иметь нары для сна длиной не менее 2,1 метра, шириной 90 сантиметров, перегородки между отдельными спальными местами делать высотой 4 вершка (17,6 сантиметра), а проход между рядами оставлять шириной 71 сантиметр [Обязательное..., 1892, с. 23]. Впрочем, эти спартанские нормы не были продуктом самодеятельности владимирских чиновников. Фабричный инспектор А. Н. Быков (выступал в печати под псевдонимом Ф. Павлов), знакомый с порядками на многих предприятиях России

\$652⁰⁰

For \$652.00 we will furnish all the material to build this Six-Room Two-Story House, consisting of Lumber, Lath, Shingles, Mill Work, Ceiling, Siding, Flooring, Finishing Lumber, Building Paper, Pipe, Gutter, Sash Weights and Painting Material. NO EXTRAS, as we guarantee enough material to build this house according to our plans.

By allowing a fair price for labor, cement, brick and plaster, which we do not furnish, this house can be built for about \$1,171.00, including all material and labor.

For Our Offer of Free Plans See Page 3.

THIS house is well arranged, having no waste space. Has six good size rooms, well lighted and ventilated with large windows. Is suitable for suburban or country home and has been frequently built in large numbers, proving to be a very good investment. It rents well, as it is practically two full stories high and of good appearance. It has a large front porch, 33 feet 6 inches long, with Colonial columns.

First Floor—Parlor with staircase leading to second floor. Cased openings from parlor to dining room. Has a large front window facing the street. Dining room and kitchen are of good size.

Second Floor—Has three good size bedrooms, three closets and bathroom.

1880-х годов, утверждал, что норматив объема спальных корпусов «по кубу на человека» применялся повсеместно [Павлов, 1901, с. 33].

(Заметим, что при всей скудости таких норм обеспечения рабочих хозяйским жильем, фабричные казармы использовались по своему первоначальному назначению еще многие десятилетия после «пролетарской революции» 1917 года, часто называясь при этом в неофициальном обиходе именами прежних владельцев предприятий. Нельзя также не учитывать, что покинутая ради жизни при фабрике деревенская изба не превосходила казарму своим комфортом, что плата за ночлег в хозяйском «спальном корпусе» взималась ничтожная, наконец, что условия жизни на съемных квартирах, сдаваемых рабочим местными жителями, были не лучше казарменных. Фабриканты А. Ф. Морокин и К. С. Красильников, называя в своей брошюре требование «куб на человека» завышенным, грозили отстаивавшим его чинам фабричной инспекции: «Это правило оставит без хлеба тысячи рабочих и пошлет их жить в таких помещениях, где иной раз не хватит на душу и ¼ кубической сажени» [Морокин, Красильников, 1894, с. 71]).

Наконец, свободу творчества промышленников в таких моногородках, как Бонячки и Южа, не ограничивало соперничество с коллегами-предпринимателями. По авторитетному свидетельству уже упомянутого жандармского офицера Н. И. Воронова, между фабрикантами, чьи предприятия располагались в одном населенном пункте, наблюдалась «рознь, даже антагонизм, особенно заметный тогда, когда от них требуется какое-либо действие, успех которого целиком зависит от общего соглашения. Здесь каждый из них становится особняком, игнорирует мнения и желания других и преследует свои чисто эгоистиче-

ские цели» [Воронов, 1907, с. 52]. В Бонячках или Юже подобной розни не возникало, тогда как, например, Иваново-Вознесенск, где в начале XX века работали несколько десятков крупных текстильных предприятий, в каких-то аспектах уже начинал уступать молодым фабричным селам по уровню своего обустройства: нехватку мест в его «чернорабочей» больнице, наблюдавшуюся до 1910-х годов, пришлось возмещать Шуйскому уездному земству, а народный дом ивановские промышленники до 1917 года так и не построили.

Разумеется, финансовой основой созидательной деятельности фабрикантов служила прибыль, которую давало их производство. В сравнении с нею расходы на социальные нужды выглядели довольно скромно. Так, в 1896 году предприятие Коноваловых реализовало готовых тканей более чем на 2 млн руб., а «сурового товара» продало местным ситцепечатным фабрикам еще на 1 млн руб. [Торгово-промышленная..., 1896, с. 26–27]. На этом фоне расходы, например, на содержание больничных учреждений – 5 тыс. руб. в год – не представляются слишком значительными. К 1912 году дело Коноваловых существенно разрослось: «Товарищество» реализовало продукции на 11 млн руб. Расходы на принадлежавшие предприятию учреждения здравоохранения выросли куда значительнее, достигнув 60–75 тыс. руб. [Т-во м-р Ивана Коновалова..., с. 74], но все еще отставали от оборота компании на три порядка. Фабрика Балиных в 1896 году потратила на свои медучреждения 8 тыс. руб., на двухклассное училище – 3 тыс. руб. [Высочайше..., 1896, с. 20–22]; в сумме это составило примерно 2% фонда заработной платы. Разумеется, здесь указаны лишь текущие расходы; постройка зданий и их оснащение обходились гораздо дороже.

Системный анализ причин коммерческого успеха вичугских и южских фабрикантов свидетельствует, что их собственный вклад в это достижение был не столь велик, как это иногда представляют нынешние исследователи, особенно из числа краеведов. Вряд ли можно считать заслугой Балиных, Коноваловых, Кокоревых и Ко то уникальное сочетание внутренних и международных факторов, которое сложилось в пореформенное время.

Начиная с 1860-х годов население Российской империи – и без того самой многолюдной страны Европы – стабильно росло, причем невиданными ранее темпами: на рубеже XIX–XX веков оно увеличива-

лось на 2–2,5 млн в год. Это служило надежной гарантией будущего возврата полученных Россией иностранных инвестиций, которые успешно возмещали нехватку свободного национального капитала. При этом сами инвестиции приходили в страну в «наиболее усвояемой» форме – в виде отработанных технологий, испытанного ассортимента изделий, апробированных способов организации производства и сбыта. В начале «первой индустриализации» 1860–1870-х годов корпуса русских фабрик строились не только по английским чертежам, но и с применением английских конструктивных материалов (чугунных колонн, балок, лестниц). Всегда можно было пригласить на работу в Россию иностранных специалистов – управляющих, технологов, механиков, мастеров цеха. Русским промышленникам не требовалось «изобретать велосипед» – им предлагались готовые решения, которые следовало лишь адаптировать к местным условиям (например, к неразвитой дорожной сети, медленному обороту товаров и денег, ярмарочной форме оптовой торговли, низкой квалификации рабочей силы и ее текучести).

В России уже не одно десятилетие развивался внутренний рынок высокотехнологичных потребительских товаров, к которым тогда относился текстиль машинной выработки, решительно вытеснявший дмотканое полотно еще в первой половине XIX века. Свободные располагаемые средства отдельного россиянина были по европейским меркам невелики, но, будучи умноженными на восьмизначную численность населения страны, они давали местным производителям хороший шанс сбыта своих изделий. Если этого рынка для отечественного текстиля оказывалось недостаточно, в эксклюзивной экономической зоне Российской империи находились еще азиатские территории: Бухара, Хива, Манчжурия, Северный Иран. При этом русский рынок – по крайней мере, рынок дешевой «народной» мануфактуры – надежно защищали от иностранной конкуренции высокие таможенные пошлины на импортные хлопчатобумажные ткани.

Невероятным по современным стандартам ВТО представляется тот факт, что русские протекционистские тарифы на европейский текстиль не мешали ввозу из-за рубежа широкого ассортимента промышленного оборудования, причем всегда – в кредит. На отечественных фабриках устанавливались и работали паровые котлы производства компании Babcock & Wilcox

(США) или ее британского филиала, швейцарские паровые машины Gebrüder Sulzer (такой паровик мощностью 1650 л. с., например, стоял на фабрике в Бонячках), английские ткацкие станки и ситцепечатное оборудование от Mather & Platt (встречались повсеместно), динамо-машины немецкого гиганта Siemens & Halske и его заокеанских конкурентов General Electric Co. и Westinghouse Electric Corporation, дизельные двигатели завода MAN из Аугсбурга, американские системы автоматического пожаротушения Grinnell (ее «технологическая башня» и сейчас возвышается над Южей). Несмотря на развитие хлопководства в туркестанских владениях России, до 1914 года продолжался ввоз в страну импортной пряжи; неизменными расходными материалами в производстве ситца и сатины служили отбеливатели и красители из Германии. Даже для того, чтобы устроить на вичугском предприятии артезианский колодец, приглашались специалисты из находившейся в Петербурге англо-немецкой «конторы» Людвиг Кнопфа.

В таких условиях от отечественных «ситцевых королей» не требовалось сверхъестественных предпринимательских талантов. Для успеха своего дела им достаточно было не совершать грубых ошибок — например, не пытаться выпускать тонкие шелковые или шерстяные ткани, рынок которых в России был узок, а покупатель — разборчив. Семейное владение компаниями, имевшими форму закрытых акционерных обществ («товариществ» — по тогдашней терминологии), избавляло их владельцев не только от необходимости публичной отчетности, но и от некомпетентного вмешательства в дела управления со стороны миноритарных акционеров. Разветвленные связи родства и свойства в предпринимательских семьях облегчали взаимный обмен опытом и кадрами, а при необходимости и финансовую поддержку. Реализация социальных программ фабрикантов не встречала сопротивления их наследников, хотя бы те и считали ее расточительной: по российским законам последние не имели права оспаривать действия потенциальных наследодателей, пусть даже они грозили уменьшить причитающуюся им по наследству долю.

На успех текстильных магнатов «работала» и вся история дореформенной России. Вековое воздействие сурового отечественного климата сделало русского человека терпеливым, готовым довольствоваться малым. Крепостное право XVIII — первой половины XIX века выработало у большин-

ства народа привычку подчиняться воле барина, не пытаться строить жизненные планы далее самого ближайшего времени. Господство натурального хозяйства заставляло простолюдия радоваться любому, даже мизерному, денежному доходу — особенно с учетом стабильности розничных цен. Фабричный строй труда и быта, внешне столь далекий от сельского, оказался в целом совместимым с ним: не слишком интенсивный труд на механической фабрике (и соответствующая скромная зарплата) сочетался с привычной работой на приусадебном участке, а то и на собственном земельном наделе, а доморощенная продукция дополняла бюджет семьи.

Очевидно, что такое благополучие не могло продолжаться бесконечно. Бурный рост населения страны при сохранении низкой производительности общественного труда и ничтожной эмиграции рано или поздно должен был обернуться печальными последствиями. Успехи школьного образования в промышленных центрах побуждали все большую часть фабричной молодежи задумываться о своей нынешней и будущей жизни: «дети» 1900-х годов уже не всегда мирились с пребыванием в казармах, где за четверть века до этого начинали свой путь на фабрике их «отцы». Гадать о том, нашли бы отечественные бизнесмены и государственные мужи выход из грозящего исторического тупика, бесполезно. Переворот 1917 года и последующие события положили конец демографическому взрыву в России, а сложившаяся на рубеже 1920–1930-х годов советская система социального менеджмента (медленное, но неуклонное повышение уровня жизни в сочетании с массовой пропагандой и репрессивным гнетом) позволила надолго отложить решение коренных социально-экономических проблем.

Заключение

Однозначную оценку социальным и градостроительным усилиям текстильных магнатов в Бонячках и Юже дать, вероятно, нельзя. Людям Серебряного века — например, просвещенным современникам из числа администрации предприятий — успехи урбанизации этих сел казались значительными. «Если судьба забросит и вполне интеллигентного человека в эту отдаленную местность», — утверждал в 1897 году служивший на Южской фабрике бухгалтер Я. М. Пашков, — то он не загложет в ней и не будет чувствовать себя отрезанным от мира, а, напротив, встретит

там общество людей с высшим образованием» [Пашков, 1897, с. 6]. Через 15 лет еще более авторитетный свидетель – директор фабрики Балиных Н. Н. Алянчиков, уже успевший поработать на предприятиях других районов России, – утверждал, что общее благоустройство Южи «заставляет забывать, что живешь не в городе» [Т-во м-р А. Я. Балина, 1912, с. 15–16]. Оценок, данных современниками-рабочими, особенно теми, кто жил в фабричных казармах, мы, вероятно, уже не услышим.

С высоты наших представлений о том, каким должен быть промышленный город эпохи модерна, результаты усилий Коноваловых и Балиных могут показаться скромными. К 1917 году, после 50–60 лет бескризисного развития, Бонячки и Южа все еще не обзавелись мостовыми и тротуарами, водопроводом и канализацией, уличным освещением и электроснабжением, жилыми домами секционной (а не коридорной) планировки. Расползание фабричных сел вширь за счет строительства все новых «слободок» и «колоний» грозило в будущем еще больше затруднить обустройство инфраструктуры этих населенных пунктов. Например, даже в 1930 году, когда Южа уже пять лет как стала городом и один год – районным центром, в ней лишь четверть всех улиц имели твердое покрытие, а длина тротуаров (по большей части деревянных) почти в 30 раз уступала протяженности улиц и проездов [Семененко, 2014, с. 128].

Однако такая скептическая оценка усилий фабрикантов нарушает принцип историзма: перечисленных примет урбанизации, в те годы нормальных для Западной Европы, недоставало на заре XX века и куда более старым и крупным городам России. Сама Москва оставалась бревенчатой и малоэтажной «большой деревней» буквально до 1950-х годов [Степанов, 2017, с. 25]. Строительство полувеком ранее в сельской глуши «англизированных» минигородов грозило бы стать неподъемным финансовым бременем даже для успешных предприятий, а жизнь в «каменных джунглях» могла показаться выходцам из сел и деревень психологически невыносимой.

Возможно, справедливее будет упрекнуть Балиных и Коноваловых в том, что многолетняя практика попечения о рабочих со стороны администрации их предприятий мало способствовала превращению вчерашнего крестьянина в горожанина индустриального века, способного самостоятельно идти по жизни. Более того, патерналистская модель, по которой

в фабричных селах строились отношения работника и нанимателя, формировала у первых социальное иждивенчество, уверенность в том, что «хозяин и поселит, и накормит, и работу даст, и развлечет». Корни такой ментальности созидателей и обитателей моногородков позднимперской России бесхитростно обнажил все тот же Н. И. Воронов, который мечтал: «Если б гг. хозяева уделяли больше своего внимания к положению рабочих и приняли на себя роль попечителей над ними, как в старые времена относились добрые помещики к своим крестьянам, то можно с уверенностью сказать, что рабочие не поддавались бы на неразумные действия, и массе беспорядков положен был бы конец» [Воронов, 1907, с. 70–71] (курсив наш. – А.С.). Современные исследователи отмечают черты социального иждивенчества и в психологии русских крестьян рубежа XIX–XX веков, проявившиеся, например, при получении ими правительственной продовольственной помощи («царского пайка») после неурожая 1891 года [Давыдов, 2016, с. 120–121].

Так формировался «фабричный город по-русски», населенный не самодостаточными бюргерами, а малоквалифицированными наемными работниками (вчерашними крепостными или их ближайшими потомками), стремящимися переложить заботы о себе на плечи «доброго барина» и готовыми довольствоваться скромными благами полугородской жизни. При этом набор подобных благ и очередь на их получение определял все тот же хозяин; лишь ему было дано решать, что важнее: построить новый спальный корпус или завести при фабрике самодеятельный театр с профессиональным режиссером.

Однако и с таким выводом спешить не следует. История поставила поучительный эксперимент. Недалеко от Южи, в Нижегородской губернии, находилось село Павлово, издавна населенное кустарями-ремесленниками, мастерами выделки металлических изделий. До 1917 года там не было никаких градообразующих предприятий-монополистов, а всеми делами села заведовали сами его жители, используя инструменты, данные им реформой 1861 года, – волостного старшину и волостное правление. В Павлове не встречались казармы и каморки: кустари обитали в собственных домах усадебного типа. Но за этим исключением вся остальная жизнь павловчан показалась бы южским текстильщикам незавидной: в 1906 году, работая у себя на дому по 16–18 часов

в сутки, павловские слесари зарабатывали 36–57 коп. в день [Савич, 1906, с. 44], тогда как на фабрике Балиных уже в 1896 году 58 коп. составляли среднюю зарплату текстильщика за 9-часовой рабочий день [Высочайше..., 1896, с. 15]. На фабрике Коноваловых в Бонячках в 1912 году средняя дневная заработная плата составляла 69 коп. [Т-во м-р Ивана Коновалова: Краткий исторический очерк, с. 59–60]³. При этом жители Павлова платили государственный по-земельный налог (пусть и мизерный), а также сборы в пользу уездного земства и взносы в фонд своего сельского общества [Савич, 1906, с. 16–17]. Училища и больницу в Павлове содержали в складчину сельское общество и уездное земство, полицию и жандармов – одно сельское общество [Савич, 1906, с. 108]. Никаких подобных расходов жители моногородков не знали. Народного дома в Павлове, естественно, не имелось.

Так или иначе, унаследованная от прежних времен привычка многих жителей дореволюционных фабричных сел полагаться на мудрую и всевластную внешнюю мироустроительную силу в 1920-е годы станет одной из основ новой советской городской культуры [Пивоваров, 2001].

Источники

- Бородин Н. А. (1916) Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Петроград: Якорь.
- Балдин К. Е. (2002) Вичугская сторона. Иваново.
- Балдин К. Е. (2006) Феномен фабричного поселка в дореволюционной России на примере Южи // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 1. Иваново-Южа.
- Бухаренкова О. Ю., Морозова О. В. (2020) Формирование Орехово-Зуево как городского конгломерата в контексте модернизационных процессов России начала XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». № 2. С. 111–123.
- Воронов Н. И. (1907) Записки о событиях Владимирской губернии. Владимир: Типолитография Владимирского губернского правления.
- Высочайше утвержденное Товарищество мануфактуры Асигкрита Яковлевича Балина при селе Юже Владимирской губернии: Ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде (1896) Вязники: Типолитография С. К. Матренинского.
- Давыдов М. А. (2016) Двадцать лет до великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина. 2-е изд. СПб.: Алетейя.

3. Пересчитано нами по опубликованным годовым показателям; число рабочих дней в году принималось (на основе закона 1897 г.) за 288, хотя фактически, вероятно, было меньше за счет местных праздников.

- Дианова М. К., Луговский И. И., Фирсов И. П. (ред.) (1928) Стачки в Иваново-Вознесенском районе. 1905–1916 годы. Иваново-Вознесенск.
- Ибрагимов А. М., Кишкович Е. М., Иванова А. А. (2011) Анализ градостроительной ситуации г. Южи и концепции его развития // Жилищное строительство. № 10. С. 13–16.
- Кандауров Д. П. (1914) Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). 2-е изд. Петроград.
- Костюк К. Н. (2001) Возникновение социальной доктрины Русской православной церкви // Общественные науки и современность. № 6. С. 114–131.
- Миндовский В. (1919) Вичугская фабричная старина: Бытовые очерки и заметки // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XIII. Кострома. С. 39–64.
- Миронов Б. Н. (2015) Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб.: Дмитрий Булавин.
- Морокин А. Ф., Красильников К. С. (1894) Наша фабрично-заводская промышленность и ее недоброжелатели перед судом правды. М.: Типолитография В. Рихтер.
- Обязательное постановление Владимирского губернского по фабричным делам присутствия о мерах охранения жизни, здоровья и нравственности рабочих, а также оказания им врачебной помощи на фабриках, заводах и мануфактурах (1892) Владимир: Типолитография В. А. Паркова.
- Павлов Ф. (1901) За десять лет практики (Отрывки воспоминаний, впечатлений и наблюдений из фабричной жизни). М.: Типолитография В. Рихтер.
- Пашков Я. М. (1897) Описание торжества чествования директора-распорядителя Товарищества А. Я. Балина Николая Асигкритовича Балина. На память. Вязники: Типолитография С. К. Матренинского.
- Пивоваров Ю. Л. (2001) Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. № 6. С. 101–113.
- Савич Г. Г. (1906) К вопросу о мелкой земской единице: село Павлово и его общественное устройство. СПб.: Типография МВД.
- Семенов А. М. (2014) Город Южа в конце 1920-х годов // Пожарский юбилейный альманах. Вып. № 8. Иваново-Южа. С. 128–131.
- Симонович О. О. (2018) Развитие малых городов России как фактор формирования новых архитектурно-пространственных решений конца XIX – начала XX века // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 23. С. 195–202.
- Смирнов М. В. (ред.-сост.) (2019) Вичуга: город белых колонн. Иваново: И. Д. Иваново-Вознесенск.
- Стачки (1930) Стачки 1881–1895 годов: Сборник документов / Матасова Ф. Г. (подгот. к печ.). М.: Гострудинат.
- Степанов А. В. (2017) Повседневная жизнь в городах России на рубеже XIX–XX веков. 2-е изд., испр. и доп. Иваново.
- Товарищество мануфактур А. Я. Балина: Описание празднования 25-летия учреждения Товарище-

ства. 1885. 31 мая 1910 (1912) М.: Типолитография Товарищества И. И. Кушнерев и Ко.

Товарищество мануфактур Герасима Разоренова и Ивана Кокорева в Кинешемском уезде Костромской губернии (1913) Кострома.

Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном. 1812–1912 г. (Б. г.) Москва: Типолитография братьев Менерт.

Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном: Краткий исторический очерк (Б. г.) Москва: Типолитография братьев Менерт.

Торгово-промышленная деятельность фирмы Ивана Александровича Коновалова. 1812–1896. (Историко-статистический очерк) (1896) Москва: Типолитография Н. И. Куманина.

Шульце-Геверниц Г. (1901) Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб; М.: Издание магазина «Книжное дело».

VILLAGES OF IUZHA AND BONIACHKI: A One-Company Factory Town In Late Imperial Russia

Arkadii V. Stepanov, PhD in History, Associate Professor, Ivanovo State University; 37 Ermaka Street, Ivanovo, 153025, Russian Federation. E-mail: pastenovas@mail.ru

Abstract. This study focuses on the evolution of two “factory villages” in the Upper Volga area of late Imperial Russia—Iuzha and Boniach’ki—into “industrial one-company towns”, i.e. into communities with some elements of urban infrastructure owing the growth of local textile mills. It is based on reference and PR publications issued between 1897 and 1913 and contemporary essays of Russian and non-Russian authors. Possible reasons behind the long-term and systemic efforts of industrialists belonging to the second and third generations of the Balin and Konovalov families to provide their factory workers with housing, schools, hospitals, recreation facilities, and retired workers’ homes are discussed. Among the possible motives for these activities are the absence in both communities of either market-oriented social infrastructure or municipal authorities able to run welfare facilities. The combination of two other factors: the low labour productivity of textile workers, who were mostly of peasant origin, and their inexperience in dealing with their incomes were also significant. This combination turned factory owners into “guardians” of their employees, in part by keeping wages relatively low and re-directing part of the salary funds toward welfare programs. Systemic and comparative-based approaches are used to assess the results of the latter. The author’s finding is that while such efforts helped ease some problems of the growing factory villages, in the long run they slowed the emergence of a modern factory worker able to independently support his/her existence in a 20th-century urban milieu.

Keywords: factory village; social evolution; Russian industrialists; Iuzha; Boniach’ki

Citation: Stepanov A. (2021) Villages of Iuzha and Boniachki: A One-company Factory Town in Late Imperial Russia. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 1, pp. 37–49. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202137-49>

References

- Baldin K.E. (2002) Vichugskaya storona [The Vichuga Area]. Ivanovo. (in Russian)
- Baldin K.E. (2006) Fenomen fabrichnogo posiolka v dorevolyutsionnoy Rossii na primere Iuzhi [Iuzha as an Example of the Factory Village Phenomenon in Pre-revolutionary Russia]. *Pozharskii iubileinyi al'manakh. Vyp. 1* [Collection Devoted to Prince Pozharsky's Anniversary. Issue 1]. Ivanovo-Iuzha. (in Russian)
- Borodin N.A. (1916) Severo-Amerikanskii Soedinennyye shtaty i Rossia. [The North American United States and Russia]. Petrograd. (in Russian)
- Bukharenskaya O.I., Morova O.V. (2020) Formirovaniye Orekhovo-Zuevskogo gorodskogo aglomerata v kontekste modernizatsionnykh protsessov Rossii nachala dvadtsatogo veka [Formation of Orekhovo-Zuevo as an Urban Agglomerate in the Context of Russia's Early 20th Century Modernization Processes]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Istorika i politicheskie nauki* [Bulletin of the State University of Moscow Oblast'. Series: History and Political Sciences], no 2, pp. 111–123. (in Russian)
- Davydov M.A. (2016) Dvadtsat' let do velikoi voyny: Rossiyskaya modernizatsiya Vitte-Stolypina [Twenty Years before the Great War: Russian Modernization under Vitte and Stolypin]. St.Petersburg: Aleteia [St.Petersburg: Aleteia Publishing House]. (in Russian)
- Dianova M.K., Lugovskoi I.I., Firsov I.P. (eds.) Stachki v Ivanovo-Voznesenskom raione. 1905–1916 gody (1928) [Strikes in Ivanovo-Voznesensk Region in 1905–1916]. Ivanovo-Voznesensk. (in Russian)
- Ibragimov T.M., Kishkovich A.M., Ivanova A.A. (2011) Analiz gradostroitel'noi situatsii goroda Iuzhi i kontseptsii ego razvitiya [Analysis of Urban Planning Situation of the City of Iuzha and Concepts of its Development]. *Zhilyshchnoye stroitel'stvo* [Housing Construction], no 10, pp. 13–16. (in Russian)
- Kandaurov D.P. (1914) Fabrichno-zavodskie predpriyatiya Rossiyskoi imperii (isklyuchaya Finliandiyu). 2 izdaniye [Factories and Industrial Plants in the Russian Empire (Exclusive of Finland). 2nd edition]. Petersburg. (in Russian)
- Kostiuk K.N. (2001) Vozniknoveniye sotsial'noi doktriny Russkoi pra-

- voslavnoi tserkvi [Emergence of the Social Doctrine of the Russian Orthodox Church]. *Obshestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no 6, pp. 114–131. (in Russian)
- Mindovskii V. (1919) Vichugskaiia fabrichnaia starina: Bytovye ocherki i zametki [Old Times in Vichuga Factory Area: Essays and Notes on Everyday Life]. *Trudy Kostromskogo nauchnogo obschestva po izucheniu mestnogo kraia. Vyp. 13* [Proceedings of the Kostroma scholarly society for local areas studies. Issue 13]. Kostroma, pp. 39–64. (in Russian)
- Mironov B.N. (2015) Rossiskaia imperia: ot traditsii k modern. Tom 3 [Russian Empire: from Tradition to Modernity. Volume 3]. St.Petersburg: Dmitry Bulavin [St.Petersburg: Dmitry Bulavin Publishing House]. (in Russian)
- Morokin A.F., Krasil'schikov K.C. (1894) Nasha fabrichno-zavodskais promyshlennost' i ee nedobrozheleteli pered sudom pravdy [Our Factory Industry and Its Ill-Wishers before the Court of Truth]. Moskva: Tipolitografiya V.Rikhter [Moskva: The Lithographic Printing House of V.Richter]. (in Russian)
- Obiazatel'noe postanovlenie Vladimirovskogo gubernskogo po fabrichnym delam prisutstvia o merakh okhraneniia zhizni, zdorovia i npravstvennosti rabochikh, a takzhe okazania im vrachebnoi pomoschi na fabrikakh, zavodakh i manufakturah (1892) [Obligatory Prescript of Vladimir Area Council for Industrial Issues on the Measures of Preserving the Workers' Life, Health and Morality and on Providing Them with Medical Care in Factories, Plants and Workshops]. Vladimir: Tipolitografiya V.A.Parkova [Vladimir: The Lithographic Printing House of V.A.Parkov]. (in Russian)
- Pavlov F. (1901) Za desiat' let praktiki (Otryvki vospominanii, vpechatlenii i nabliudeniia iz fabrichnoi zhizni [From Ten Years of Practical Work (Sketches of Reminiscences, Impressions and Observations on Life in Factories)]. Moskva: Tipolitografiya V.Rikhter [Moskva: The Lithographic Printing House of V.Richter]. (in Russian)
- Pashkov Ia. M. (1897) Opisanie torzhestva chestvovaniia direktorasporiaditelia Tovarischestva A.Ia.Balina Nikolaia Asigkritovicha Balina. Na pamiat' [Description of the celebration of the Executive Director of A.Ia.Balin's Company Mr.Nikolai Asigkritovich Balin]. Viazniki: Tipolitografiya S.K.Matreninskogo [Vyazniki: The Lithographic Printing House of S.K.Matreninskii]. (in Russian)
- Pivovarov Yu.L. (2001) Urbanizatsiia v Rossii v XX veke: predstavleniia i real'nost' [Urbanization in Russia in the 20th century: Concepts and reality]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no 6, pp. 101–113. (in Russian)
- Savich G.G. (1906) K voprosu o melkoi zemskoi edinitse: selo Pavlovo i ego obschestvennoe ustroistvo [On The Issue of a Small Zemstvo Unit: Village of Pavlovo and Its Civil Administration]. St.Petersburg: Tipografiya MVD [Publishing House of the Interior Ministry]. (in Russian)
- Semenenko A.M. (2014) Gorod Iuzha v kontse 1920-kh godov [City of Iuzha in the Late 1920s]. *Pozharskii iubileinyi al'manakh. Vyp. 8* [Collection Devoted to Prince Pozharsky's Anniversary. Vol. 8]. Ivanovo-Iuzha, pp. 128–131. (in Russian)
- Simonovich O.O. (2018) Razvitie mal'kh gorodov Rossii kak faktor formirovaniia novykh arkhitekturno-prostranstvennykh reshenii kontsa XIX-nachala XX veka [Evolution of Russian Small Towns as a Factor of Making the New Architectural Space Decisions at the End of 19th and Early 20th Century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Tambov University Bulletin], vol. 23, pp. 195–202. (in Russian)
- Stachki 1881–1895 godov: sbornik dokumentov (1930) [Strikes in 1881–1895: Collection of documents]. Moskva: Gostrudizdat. (in Russian)
- Stepanov A.V. (2017) Povsednevnaia zhizn' v gorodakh Rossii na rubezhe XIX–XX vekov [Daily Life in Russian Cities Around the Turn of the 20th Century]. Ivanovo. (in Russian)
- Tovarischestvo manufaktur A.Ia.Balina. Opisanie prazdnovaniia 25-letia uchrezhdeniia tovarischestva. 1885. 31 maia 1910 (1912) [Partnership of Factories of A.Ia.Balin. Description of Celebration of the 25th Anniversary of the Company Foundation. 1885. May 31st 1910]. Moskva: Tipolitografiya Tovarischestva I.I.Kushnerev i Ko [Moscow: Typolithography of the Partnership I.I.Kushnerev and Co.]. (in Russian)
- Tovarischestvo manufaktur Gerasima Razorenova i Ivana Kokoreva v Kineshemskom uезде Kostromskoi gubernii (1913) [Partnership of Factories of Gerasim Razorenov and Ivan Kokorev in Kineshma District of Kostroma Gubernia]. Kostroma. (in Russian)
- Tovarischestvo manufaktur Ivana Konovalova s synom. 1812–1912. (S. a.) [Partnership of Factories of Ivan Konovalov and Son. 1812–1912.]. Moskva: Tipolitografiya brat'ev Menert [Moscow: Lithographic Printing House of the Menert Brothers]. (in Russian)
- Tovarischestvo manufaktur Ivana Konovalova s synom. Kratkii istoricheskii ocherk (S. a.) [Partnership of Factories of Ivan Konovalov and Son. 1812–1912. Brief Historical Essay]. Moskva: Tipolitografiya brat'ev Menert [Moscow: Lithographic Printing House of the Menert Brothers]. (in Russian)
- Torgovo-promyshlennaia deiatel'nost' firmy Ivana Aleksandrovicha Konovalova. 1812–1896. (Istoriko-statisticheskii ocherk) (1896) [Activities of Ivan Aleksandrovich Konovalov's Firm in Trade and Manufacturing. 1812–1896. (Historical and Statistical Essay)]. Moskva: Tipolitografiya N.I.Kumanina [The Lithographic Printing House of N.I.Kumanin]. (in Russian)
- von Schulze-Gävernitz G. (1901) Ocherki obschestvennogo khoziaistva i ekonomicheskoi politiki Rossii [Essays on Russia's National Economy and Economic Policy]. Saint Petersburg. (in Russian)
- Vichuga: Gorod belykh kolonn (2019) [Vichuga: The City of White Columns]. Ivanovo. (in Russian)
- Voronov N.I. (1907) Zapiski o sobytiakh Vladimirovskoi gubernii [Notes about Events in Vladimir Gubernia]. Vladimir: Tipolitografiya Vladimirovskogo gubernskogo pravleniia [The Lithographic Printing House of the Vladimir Provincial Administration]. (in Russian)
- Vysochaishie utverzhdennoe tovarischestvo manufaktury Asigkrita Iakovlevicha Balina pri sele Iuzhe Vladimirovskoi gubernii: Ko Vserossiiskoi promyshlennoi i khudozhestvennoi vystavke 1896 goda v Nizhnem Novgorode (1896) [Established by Emperor's Decree Company of Asigkrit Balin's Factory at the Village of Iuzha in Vladimir Gubernia: Toward All-Russia Industrial and Artistic Exhibition of 1896 in Nizhnii Novgorod]. Viazniki: Tipolitografiya S.K.Matreninskogo [Vyazniki: The Lithographic Printing House of S.K.Matreninskii]. (in Russian)